

Род и индивидуальность

Род, Родина, народ, родители, родные – все эти слова объединяются корнем *род*, имеющим значение принадлежности к чему-то общему, единства истоков, общности корней.

На первых страницах романа «Евгений Онегин» Пушкин представляет своего героя как «наследника всех своих родных». Отправляясь к умирающему дяде ради получения наследства, Онегин не чувствует духовного родства с тем, от кого согласен унаследовать только имя. В юности кажется, что легко и просто отказаться от принципов, норм, законов жизни своего привычного окружения и заменить их другими. К концу романа возмужавший Онегин понимает, что оборвать нити с прошлым невозможно, что духовное наследие того класса, к которому он принадлежит по рождению, воспитанию, образу жизни, привычкам, так или иначе, но проявляет свою власть над ним. Более того, Евгений начинает понимать, что в традициях, которые когда-то представлялись ему пустыми и обременительными, можно найти и то излучение духовности, которое освещает жизненный путь, помогает выполнить жизненное назначение.

С понятием рода как в жизни, так и в литературе связывается представление о неких общих, устойчивых, повторяющихся, неизменных структурных началах, которые определенным образом структурируют сознание каждого вновь рождающегося своего члена, в той или иной степени программируя его личность. Это хорошо понимали наши предки. Выдавая замуж дочь, родители внимательно присматривались не только и не столько к будущему зятю, но к будущим родственникам в целом. Говорилось: «Выходишь замуж не за мужа только, а за всю его семью». Пословица фиксирует народную мудрость: «Яблочко от яблони недалеко падает». Так же поступали и родители жениха. Правда, учитывалась и возможность выпадения личности из родовых традиций: не в мать не в отца, а в доброго молодца. Слово *урод* появилось вследствие потребности зафиксировать моменты *вырождения*, разрушения родовых начал. Если человек выбирал путь демонстративного пренебрежения родовыми устоями и подчеркнутого противоречия здравому смыслу в поведении и внешности, использовалось слово *юродивый*.

В семьях с патриархальными традициями и теперь еще придают огромное значение не только индивидуальным, но родовым свойствам будущего супруга или супруги. Конечно, в наше время знание *родословной*, изучение истории своего рода кажется не столь обязательным. В массовом сознании родовое начало вытесняется индивидуальным. Да и о чистоте рода, которую когда-то так блюли наши предки, говорить не приходится. Объединяются носители самых разных родовых традиций. Правда, наряду с тенденциями *вырождения*, упадка родов, можно говорить и о все более усиливающихся тенденциях *возрождения*, возвращения к истокам. Наши современники, подобно герою пушкинского романа, учатся открывать для

себя неиссякаемые *родники народной мудрости* в «привычках милой старины». Мы постигаем, что разумное следование традициям своего рода, своего народа обогащает нас, усиливает наши индивидуальные возможности, объединяет общностью истоков. В единстве поколений – сила народа, в единстве со своим родом (народом) – сила личности.

Родовое и индивидуальное в произведении искусства

Можно ли сказать что-то о незнакомом человеке, с которым мы никогда не встречались, зная о нем только, что это мужчина (женщина)? Очевидно, можно ровно столько, сколько мы можем сказать о различии между мужчинами и женщинами. При этом риск ошибки будет ниже настолько, насколько мы, во-первых, точно представляем суть этого различия и, во-вторых, насколько предполагаемый человек соответствует своему полу (ведь нередки мужеподобные женщины и женоподобные мужчины; с другой стороны, так ли уж много «типичны» представители своего пола?)

Можно ли сказать что-то о пьесе А.П. Чехова «Иванов», которую мы еще не успели прочитать, зная только, что это драматическое произведение? Если хорошо ориентируешься в специфике каждого рода, то даже о столь нетипичных драматических произведениях, какими являются пьесы Чехова, можешь иметь определенное представление еще до чтения. Именно наличием такого эмпирически обретенного знания о родовой и жанровой специфике определяются просьбы читателей к библиотекарю: «Дайте почитать что-нибудь из лирики!» или «Мне пьесы не давайте: я не люблю их читать».

Эмпирическому знанию, имеющемуся у каждого читателя, следует дать теоретические основания. Научное знание родовой специфики позволяет увидеть, понять и объяснить в художественных произведениях то, на что просто не обращаешь внимания или что вызывает недоумение, кажется в тексте «лишним». Многие в книге приписывается неискушенным читателем автору и принимается за индивидуальное открытие, тогда как автор просто следует тем канонам рода, которые складывались веками. С другой стороны, большое произведение искусства так или иначе «посягает» на родовые каноны – и заметить осознанную или бессознательную полемику автора с нормами, свойствами рода может только тот, кто имеет о них представление. В истории литературы немало произведений, созданных на стыке двух или даже трех литературных родов. И чем дальше развивается литература, тем больше становится таких синтетических образований. И все же, даже не имея специальных познаний, читатель без труда отличит лирику от драмы. А поскольку сохраняется родо-жанровое разграничение, постольку необходимо понимание того смысла, который скрывается в разных родовых формах.

В.Е. Хализев справедливо отмечает, что «родовая принадлежность (как и большая или меньшая причастность «внеродовым» началам) во многом определяет организацию произведения, его формальные, структурные

особенности» (Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины: Учебное пособие / Л.В. Чернец, В.Е. Хализев, С.Н. Бройтман и др. М., 1999. С. 335). Мы предполагаем, что не только структурные, но и содержательные особенности заложены в основание каждого из трех литературных родов.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ